

Философія какъ духовное дѣланіе. ¹⁾

Всякій, кто любитъ философію,—а я обращаюсь пленно къ тѣмъ, которые ее любятъ,—навѣрное не разъ спрашивалъ себя, откуда это протекаетъ, какъ это слагается, что въ философіи такое безчисленное множество разнорѣчій, несогласій, неразрѣшенныхъ споровъ, взаимныхъ отрицаній? Отчего это философія, существующая болѣе двухъ съ половиною тысячелѣтій и признающая себя за нѣкое высшее, лучшее, безусловно достовѣрное знаніе, живетъ доселѣ въ притязаніи на столь великое и съ неопредѣленностью въ существѣ своемъ? Нерѣдко приступающіе къ ея изученію выносятъ и осуществляютъ убѣжденіе въ томъ, что именно это обиліе разногласій и бесплодныхъ споровъ отдастъ философское творчество въ распоряженіе личнаго произвола и усмотрѣнія; что философствованіе есть дѣло субъективнаго вкуса, личной склонности, личнаго настроенія; что всякій философствуетъ сообразно своимъ влеченіямъ и симпатіямъ, и что никто не въ правѣ мѣшать другому въ этомъ занятіи; все равно вѣдь общеубѣдительной истины нѣтъ, или, что (якобы) то же самое, она не находима, или, во всякомъ случаѣ, *еще не найдена*; но если бы даже ее вдругъ нашли, эту единую, общеобязательную истину, самоѣ истину—можно быть вполне увѣреннымъ, что она не встрѣтила бы общаго и полнаго признанія. И вотъ слагается „успокоительная“ увѣренность въ томъ, что на нашъ вѣкъ хватить сектантскаго духа въ философіи, что не изсякнетъ такъ скоро потокъ распрей и субъективистическихъ построеній и что въ этой сумятицѣ миѣній, въ этомъ водоворотѣ разнорѣчій можно будетъ съ успѣхомъ проложить себѣ путь къ „оригинальной“ философской системѣ; ибо, какъ говорили еще софисты, истинно то, въ чемъ ты сумѣешь убѣдить другихъ.

Всякая наука имѣетъ свой особый предметъ и судьба ея связана тѣснѣйшимъ образомъ со свойствами этого предмета. Наука слагается

¹⁾ Речь, произнесенная при открытіи студенческаго Философскаго Общества въ Москвѣ.

тѣмъ ранѣе и достигаетъ содержательной и формальной зрѣлости тѣмъ быстрее, чѣмъ меньше внутренняго напряженія и умѣнія, чѣмъ меньше внутренней зрѣлости нужно для того, чтобы замѣтить и воспринять первое явленіе ея „предмета“. Въ этомъ отношеніи имѣють преимущество всѣ тѣ науки, предметъ которыхъ данъ первоначально *внѣшнимъ образомъ*, въ чувственно воспринимаемой формѣ „вещи“ и „вещественности“. Здѣсь, кажется, стоить только „взглянуть повнимательнѣе“, прислушаться, измѣрить, сравнить вещь съ вещью,—и первые начатки знанія состоялись. Предметъ, данный первоначально въ видѣ постоянно окружающей насъ вещественной обстановки, доступенъ всякому, у кого есть достаточно досуга, интереса и желанія для того, чтобы сосредоточиться на чувственномъ воспріятіи опредѣленной вещи, или опредѣленныхъ группъ вещей, и на „безхитростномъ“ размысленіи о воспріятомъ. Въ этой чувственной данности, въ этой внѣшней тѣлесной наличности того, что первоначально признается изслѣдуемымъ предметомъ,—есть великое преимущество, котораго лишена философія. Эмпирическое знаніе о вещественномъ мірѣ имѣетъ здѣсь нѣкую гарантію того, что разногласія не будутъ безконечны и безмѣрны по діапазону своихъ колебаній. Возможность апеллировать къ легко осуществимому, повторному,—если нужно, то постоянному,—воспріятію чувственной данности; возможность неустанно справляться и провѣрять черезъ элементарное наблюдение, наличность (или отсутствіе) пзвѣстныхъ основныхъ и устойчивыхъ свойствъ въ изучаемомъ,—эта безцѣнная возможность и ея сравнительно легкое осуществленіе есть тотъ познавательный якорь, которымъ спасается эмпирическая наука о внѣшней природѣ. Волны субъективной фантазіи, душевнаго произвола и злокачественной абераціи не въ состояніи захлестнуть научное познаніе; ошибку зрѣнія и слуха исправить повторный опытъ воспріятія, экспериментъ или, наконецъ, безстрастная кривая, зачерченная измѣрителемъ. Наконецъ, въ этихъ наукахъ прогрессъ и объективное единство знанія подлерживаются угрозой возможныхъ въ будущемъ роковыхъ послѣдствій: кажется, что вопіютъ самыя вещи, если ихъ исказить или о нихъ умолчить человѣческое сознаніе. Здѣсь человечество не можетъ и *не смѣетъ* распустить энергію своего вниманія, ослабить волю къ знанію, субъективистически исказить объективное обстояніе: *практическая расплата* приходитъ слишкомъ быстро, обрушивается слишкомъ нещадно, сметая съ лица земли *самую жизнь* тѣхъ, которые допустили ошибку. Такъ, знаніе о внѣшнемъ вещественномъ мірѣ ограждено какъ бы внутреннимъ, имманентнымъ и естественнымъ образомъ отъ того бѣдствія, подъ гнетомъ котораго страдаетъ философія: *отъ разложенія воли къ истинѣ и отъ ослабленія теоретической совѣсти*. Здѣсь есть нѣкій безпощадно карающій перстъ: самое эмпирическое существованіе человѣка стоитъ въ

зависимости отъ его научныхъ знаній о внѣшнемъ мірѣ и выросшихъ на ихъ почвѣ техническихъ умѣній. Забывающему о требованіяхъ теоретической совѣсти, погрѣшающему этимъ противъ *духа*, матеріальная природа слишкомъ скоро напомнитъ о томъ, что онъ самъ существуетъ въ видѣ *вещи*, и, не сумѣвшій познавательно господствовать надъ вещью, погибнетъ, подчиняясь недопознанной законмѣрности.

Эта объективная гарантія осуществляется далеко не съ тою же силою и вѣрностью въ области гуманитарныхъ наукъ, именно постольку, поскольку онѣ изслѣдуютъ не внѣшній, вещественный составъ человѣческаго существа, но внутренний, душевный. Здѣсь предметъ въ своемъ первоначальномъ видѣ данъ *внутренно*, т.-е. уже не какъ пространственно-временный, но какъ чисто временный, и, слѣдовательно, не какъ элементарное вещественное единство, одинаково доступное для всѣхъ изслѣдующихъ въ своей внѣшней „объективности“, но какъ рядъ своеобразныхъ, внутреннихъ и потому непосредственно доступныхъ лишь каждому про себя и для себя, субъективныхъ переживаній. Душевное есть всегда *процессъ въ субъективномъ сознаніи* или въ *субъективномъ безсознательномъ* и изслѣдованіе душевнаго у *многихъ* лицъ, стоящихъ во взаимодействіи, не можетъ лишитъ предметъ этихъ наукъ ни его процессуального, ни его „субъективнаго“ характера. Здѣсь нужна гораздо болѣе сложная душевная и познавательная техника для того, чтобы добраться до *души*, какъ предмета научнаго знанія, и съ этой точки зрѣнія понятно, что психологія и психопатологія становятся научнымъ знаніемъ только въ девятнадцатомъ и двадцатомъ вѣкѣ, и что социальная психологія и психологическая исторія доселѣ стоятъ еще подъ знакомъ научнаго сомнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много еще въ этихъ „наукахъ будущаго“—случайныхъ догадокъ, вѣрныхъ предчувствій, невѣрныхъ предвосхищеній, несобраннаго и недоступнаго матеріала, несистематическихъ, хотя подчасъ и глубокихъ интуицій.. Безспорно, что эта трудная уловимость познаваемаго предмета исправляется нѣсколько *практическими* гарантіями; ибо воспитаніе, душевное лѣченіе и политика, какъ дѣятельности, основанныя на знаніи о душѣ, о ея одинокой и общественной жизни, несутъ въ себѣ извѣстныя гарантіи отъ чрезмѣрныхъ уклоненій познающаго изслѣдованія и нѣкоторыя побужденія къ величайшему напряженію познающей воли: люди, душевно взятые уродливымъ воспитаніемъ; люди, бессильно присутствующіе при душевномъ разложеніи близкихъ,—или далекихъ, но духовно дорогихъ,—индивидуальностей (Хельдерлинъ, Шуманъ, Ницше, Врубель); политическіе правители, отъ времени до времени пожинаящіе плоды созданнаго ими же самими культурнаго упадка и нравственнаго разложенія,—всѣ эти люди, и мы сами черезъ знаніе о нихъ, получаемъ практической, дѣйственный призывъ къ активности и бодрствованію нашей теоре-

тической совѣсти. Но несмотря на то, что гуманитарныя науки не лишены нѣкоторыхъ практическихъ гарантій отъ чрезмѣрной неподлинности познавательныхъ свершеній; несмотря на то, что въ нихъ возможна и предметная провѣрка—черезъ подведеніе уклонившагося сознанія къ воспріятію самого предмета,—и прагматическая угроза—въ видѣ горькихъ послѣдствій, встающихъ въ итогъ познавательной лѣни и абераціи; несмотря на все это,—какъ часто приходится здѣсь взывать къ чистой и безкорыстной жаждѣ знать истину, какъ таковую, исключительно и только ради того, что она сама по себѣ такъ прекрасна и что знаніе о ней само по себѣ такъ радостно. Практическій вредъ, протекающій отъ уклоненія познанія въ гуманитарныхъ наукахъ, слишкомъ часто не возвращается на голову того, кто въ немъ повиненъ; тяжелыя послѣдствія, созданныя ложнымъ ученіемъ о „душѣ“, слишкомъ легко распыляются въ окружающей соціальной средѣ, настолько, что бываетъ очень трудно доказать наглядно причинную зависимость между теоретическимъ искаженіемъ и практическимъ бѣдствіемъ. Уже въ гуманитарныхъ наукахъ требованія теоретической совѣсти, во всей ихъ чистотѣ и силѣ, могутъ оказаться *единственной* гарантійей научнаго уровня.

Не подлежить никакому сомнѣнію, что требованія теоретической совѣсти и вытекающее изъ нихъ чувство отвѣтственности должны лежать въ основаніи всякаго научнаго творчества, какъ такового; это опредѣляется самымъ основнымъ заданіемъ, самою единою и единственною цѣлью научной дѣятельности: *познать истинное*. Ученый, который *не* имѣетъ въ виду этого заданія, ученый, который работаетъ не ради этого достиженія—есть своего рода трагической курьезъ или явленіе нравственнаго уродства. Безспорно, практическая дѣятельность, взятая во всемъ своемъ разнообразіи, знаетъ подобныя и, по содержанію, еще болѣе рѣзкія уклоненія дѣйствующаго отъ его цѣли; но среди этихъ уклоненій самымъ тягостнымъ по духовнымъ послѣдствіямъ и наиболѣе искажающимъ человѣческую жизнь—является уклоненіе *священнослужителя, художника и ученаго* отъ чистаго и послѣдовательнаго опредѣленія ихъ дѣятельности содержаніемъ ихъ верховнаго заданія. Эти люди по самому положенію своему, по тому роду дѣла, которому они открыто и сознательно посвятили себя, стоятъ непосредственно лицомъ къ лицу съ тѣмъ *высшимъ, верховнымъ жизненнымъ содержаніемъ, черезъ которое жизнь человѣческая вообще имѣетъ цѣнность и значеніе*. Изъять изъ жизни человѣчества: добро, которое священнослужителю надлежитъ раскрывать въ формѣ религіозной очевидности, красоту, осуществленную и осуществляемую въ художественно реальныхъ образахъ, и истину, открываемую въ состояніи научной очевидности,—значить превратить ее въ сумятицу инстинктивныхъ влеченій и судорожную борьбу за ихъ удовлетвореніе. Жизненное дѣло священнослужителя, художника и уче-

наго есть трудъ, протекающій въ непрестанномъ *предстояннн* верховному; ихъ служеніе отличается отъ обычного жизненнаго дѣла именно той *непосредственностью* и *непрерывностью*, въ которой они стоятъ предъ лицомъ *последняго и безусловнаго*, предъ лицомъ тѣхъ сферъ, гдѣ кончается и отмираетъ все „только человѣческое“ и гдѣ открывается подлинное *духовное* и *божественное* обстояніе.

Въ повседневной житейской суетѣ, въ погонѣ за личной удачей и за удовлетвореніемъ инстинктивныхъ влеченій,—въ ихъ примитивномъ или слегка приукрашенномъ видѣ,—все это забывается и вырождается съ чрезмѣрной легкостью, и сознаніе людей, незамѣтно привыкающее къ извѣстному уровню разложенія и порочности, изумляется и негодуетъ только тогда, когда замѣчаетъ дѣянія, изъ ряда вонъ выходящія. Процессъ непосредственной жизни вырабатываетъ „скрытыя“ и „терпимыя“ формы искаженій и только въ минуты остраго нравственнаго отрезвленія передъ человѣкомъ встаетъ въявь ихъ сущность и ихъ значеніе. Если священнослужитель раздастъ благодать за деньги; если художникъ льстиво служить своему и чужому удовольствію; если ученый слагаетъ „нужные выводы“ и угодливо приспособляетъ научное творчество,—то значеніе этихъ явленій имѣетъ всегда свою трагическую глубину. Тѣ люди, которые по самому основному дѣлу своей жизни стоятъ ближе всего къ живымъ истокамъ *духовной значительности*, которые взяли на себя непосредственное служеніе раскрытію и осуществленію *самого* добра, *самой* красоты, *самой* истины, которые добровольно пріяли на себя величайшее бремя и съ нимъ величайшую отвѣтственность,—эти люди, если они попираютъ требованія *творческой совѣсти*, являютъ поистинѣ величайшее паденіе, ибо высота ихъ заданія и размѣръ ихъ отвѣтственности суть величайшіе.

И вотъ, если это сказано о всякомъ ученомъ, какъ таковомъ, то къ философу это должно быть отнесено съ особенною силою и значеніемъ. Ибо, во-первыхъ, философъ, единственный изъ ученыхъ, беретъ на себя разрѣшеніе вопроса о томъ, *что есть истина*; подобно священнослужителю онъ стоитъ постоянно предъ лицомъ *самого добра*, испытывая его природу и раскрывая другимъ испытанное; подобно художнику онъ имѣетъ дѣло съ *самою красотой*, изслѣдуя ея сущность и обнаруживая пути къ ея осуществленію и узрѣнію. Такъ: теорія познанія раскрываетъ природу истины; этика изслѣдуетъ сущность добра; эстетика познаетъ природу красоты. Во-вторыхъ, философія, какъ научное творчество, есть въ особомъ и углубленномъ смыслѣ *внутреннее дѣланіе* и притомъ такое внутреннее дѣланіе, предметъ котораго и по значительности, и по сложности своей, и по неуловимости своей для какой бы то ни было внѣшней и механической провѣрки, требуетъ особой, напряженной *душевно-духовной культуры*, особой остроты и чуткости

теоретической совѣсти, особой чистоты воли. Философія, какъ никакая другая наука, стоитъ передъ послѣдними, самыми углубленными и утопченными, и притомъ самыми духовно-значительными проблемами; утверждать что-либо въ этой сферѣ есть дерзаніе, и философъ, больше, чѣмъ кто-нибудь, долженъ помнить о размѣрахъ своей отвѣтственности.

Философствованіе, какъ всякая познавательная практика, есть не внѣшнее умѣніе или дѣланіе, но внутреннее; это есть *сознательная творческая жизнь души*. Однако это не есть просто душевное, но *душевно-духовное* дѣланіе. Душа не то же самое, что духъ. Душа—это потокъ обыденныхъ переживаній, чувствованій, болевыхъ ощущеній, пріятныхъ и непріятныхъ состояній, воспоминаній и забвеній, дѣловыхъ соображеній и т. д. Духъ—это во всякомъ случаѣ лишь тѣ душевныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ живетъ своими главными силами и глубокими слоями, обращенными на познаніе истины, на созерцаніе или осуществленіе красоты, на совершеніе добра или на общеніе съ высшей *сущностью* ¹⁾),—словомъ, на то, что человѣкъ признаетъ *высшимъ* и *безусловнымъ* благомъ ²⁾). Духъ это то, что *объективно значительно* въ душѣ, и философствующій живетъ именно въ сферѣ этихъ объективно значительныхъ состояній. Стать участникомъ въ духовномъ дѣланіи—значить, прежде всего, создать въ своей душѣ необходимый уровень внутренней жизни, отсутствіе котораго дѣлаетъ неизбежными совлеченіе и пошлость. Тотъ, кто создалъ въ себѣ этотъ уровень, испытываетъ нѣчто, какъ *самое лучшее и высшее*, и поставляетъ его надо всѣмъ остальнымъ; но онъ сознаетъ и испытываетъ это лучшее, не какъ лучшее только *для него*, не какъ субъективно наиболѣе пріемлемое,—пріятное,—но какъ *объективно совершенное*; какъ совершенное не только *для всѣхъ* людей, но безотносительно, какъ совершенное *само по себѣ*, какъ не могущее потерпѣть ущерба даже въ томъ случаѣ, если бы никто изъ людей не захотѣлъ признать его, или если бы всѣ отъ него отвернулись и отвергли его совершенство. Это нѣчто по качеству своему испытывается, какъ *бытіе* или *явленіе* нѣкакого высшаго содержанія, и, въ то же время, какъ осуществленіе объективной мѣры—логической, нравственной или эстетической; можетъ быть, какъ сама раскрывающаяся *сущность*; какъ совершенное въ послѣднемъ планѣ и измѣреніи; какъ совершенное *передъ лицомъ Божіимъ*.

Именно за это, въ силу такого совершенства своего, это „нѣчто“ дѣлается предметомъ любви и радости. Оно любитъ всѣмъ сердцемъ,

¹⁾ Этимъ различіе, конечно, не исчерпывается и можетъ быть даже въ конечномъ счетѣ оно опредѣляется не этимъ; по феноменологически говоря, т.-е. отстраняясь отъ анализа *явленія* предмета съ тѣмъ, чтобы прійти къ познанію его *сущности*,—оно начинается именно здѣсь.

²⁾ Срв. мой опытъ „Духовный смыслъ войны“. М. 1915 г.

всей душою и всѣмъ помышленіемъ; душа радуется ему и стремится къ нему, какъ къ радости; но это нѣчто не потому хорошо, что оно пріятно, что оно радуется; но радуется потому, что оно въ самомъ дѣлѣ прекрасно и объективно совершенно. Душа любитъ его не душевно, — по сильному и слѣпому влеченію, постулируя достоинство его изъ своего чувства; но духовно, — по столь же сильному, но разумному, зрячему и *все болѣе прозрѣвающему* стремленію. Душа побѣждена объективнымъ качествомъ предмета, слѣдуетъ его зову, готовитъ себя къ его воспріятію, къ полной и чистой радости его явленію. Эта любовь къ совершенному есть любовь, поглощающая личный интересъ, личную страсть, личную корысть человѣка; она приходитъ съ сознаниемъ, что невозможно не любить этого предмета; съ непреложной увѣренностью, что разъ увидѣвшій его, пойдетъ за нимъ, оставляя иное. Это чувство, эта *безкорыстная радость объективному качеству предмета*, пріучаетъ человѣка къ тому, что все, что есть въ немъ самомъ *только* личного, *только* субъективнаго—второстепенно и несущественно; что важно, цѣнно и значительно,—и въ немъ самомъ, и въ другихъ людяхъ, и въ вещахъ,—то, что *объективно* цѣнно, *объективно* значительно; что эросъ души долженъ принадлежать и не можетъ не принадлежать именно объективному, безусловному качеству предмета: истинности знанія, нравственному совершенству душевнаго настроенія и дѣланія, красотѣ осуществляемаго и воспринимаемаго образа, объективной глубинѣ предметнаго содержанія. Умѣть безкорыстно радоваться объективному и безусловному качеству предмета—вотъ первая основа и первое условіе истинной и благородной философской атмосферы. Это есть тотъ уровень, на которомъ философствованіе дѣйствительно можетъ улучшить значеніе *духовнаго дѣланія*.

Безкорыстіе, самоотверженіе и нравственная чистота воли, направленной къ истинному знанію,—вотъ необходимое условіе для жизни и роста философіи. Конечно, не только въ томъ отношеніи, чтобы не подчинять процесса познанія и обнародованія познаннаго—грубымъ ображеніямъ о личной жизненной выгодѣ. Нѣтъ; тотъ, кто единожды поднялся душою до самоотверженной радости объективному качеству предмета, для того опасность этихъ элементарныхъ деморализующихъ уклоненій не страшна. Но есть въ предѣлахъ самого процесса философскаго познанія не столь замѣтныя, но тѣмъ болѣе опасныя возможности уклоненія съ истиннаго пути, съ которыми каждому изъ насъ предстоитъ бороться всю жизнь. Философія, какъ духовное дѣланіе, должна быть и здѣсь свободна отъ незамѣтныхъ компромиссовъ, отъ уступокъ *личнымъ влеченіямъ* и *тайнымъ симпатіямъ*, отъ потаканія своей субъективной *эмпирической несчастью* и отъ вырастающихъ изъ всего этого ложныхъ и мнимыхъ проблемъ.

Дѣло въ томъ, что предметъ философіи не подобенъ по основному и первоначальному способу своего „бытія“ предметамъ другихъ наукъ; онъ не дается намъ въ пространственно устойчивомъ и сравнительно неизмѣнномъ, или легко повторяющемся внѣшнемъ видѣ. Философствующій человѣкъ имѣетъ передъ своимъ внутреннимъ взоромъ предметъ незримый, неслышимый, нечувственный, не матеріальный, не существующій въ пространствѣ и не дліящійся во времени. Правда, все, что предстаетъ другимъ людямъ, предстаетъ и ему: и звѣзды, и рѣки, и горы, и цвѣты, и люди; и слово ему звучитъ, и звукъ поетъ ему; и цвѣта, и линіи, и дали говорятъ его оку. Но философская мысль ищетъ въ явленіи *не* явленія; она не прельщается видимостью и не успокаивается на *знакъ*. Видимое и слышимое, тѣлесное и душевное радуетъ ее, какъ вѣрный знакъ, подлежащій пріятію и уразумѣнію; ибо лѣсной огонь блуждаетъ тамъ, гдѣ сокрыто сокровище. Въ содержаніи всякаго явленія и всякаго состоянія философская мысль видитъ и раскрываетъ *духовный смыслъ* его, полагая въ этомъ духовномъ смыслѣ свой предметъ, а въ его разумномъ, *для каждаго очевидномъ* раскрытіи—свою задачу. Познавательно обращаясь къ этому предмету, вступаая съ нимъ въ познающее „общеніе“, человѣкъ остается совершенно *одинокимъ*, внутренне замкнутымъ и отъединеннымъ, почти *безпомощнымъ* и во всякомъ случаѣ *безконтрольно* предоставленнымъ себѣ самому. Въ этомъ безпомощномъ внутреннемъ отъединеніи философъ долженъ самъ, одинокимъ и самостоятельнымъ напряженіемъ воли, воображенія, памяти, вниманія и мысли ¹⁾ *вызвать въ себѣ реальное переживаніе того содержанія, которое онъ долженъ изслѣдовать*; онъ долженъ предоставить силы своей души для того, чтобы въ нихъ осуществилось, *стало непосредственно* наличнымъ и даннымъ то содержаніе, которое подлежитъ изученію и познанію. Содержаніе это должно какъ бы завладѣть тканью души и состояться въ ней; предметъ долженъ какъ бы выступить объективнымъ узоромъ на ткани отдавшейся ему души. Этимъ и *только этимъ* философъ можетъ поставить себя въ положеніе ученаго, изслѣдующаго объективную природу предмета; творческій и согласованный симбіозъ всѣхъ указанныхъ силъ души, въ напряженномъ взаимномъ содѣйствіи и общей заботѣ о надлежащей точности и отчетливой фиксаціи предмета—даетъ философу возможность обрѣсти единство и объективность въ подходѣ къ своему предмету. Создавъ въ себѣ душевнымъ напряженіемъ реальное и подлинное переживаніе изслѣдуемаго содержанія, философъ приступаетъ

1) Творческая комбинація этихъ силъ и, соответственно, душевныхъ актовъ, зависитъ каждый разъ отъ природы того явленія или состоянія, которое подвергается *феноменологическому анализу*: такъ феноменологическое раскрытіе явленія природы или произведенія искусства потребуетъ иной комбинаціи актовъ, чѣмъ изслѣдованіе „радости“, или чьего-нибудь характера, или, наконецъ, понятія, закона тождества и т. д.

къ одинокому и напряженному *внутреннему* *вглядыванію въ сущность внутренне даннаго предмета*. Это внутреннее *вглядываніе* можетъ опять потребовать участія всѣхъ силъ души, мобилизаціи ея сознательныхъ способностей, такъ же, какъ и ея безсознательной сферы, въ зависимости отъ особыхъ чертъ изслѣдуемаго предмета. Въ этой стадіи изслѣдованія осуществляется своеобразное *интуитивное вживаніе души въ изслѣдуемое содержаніе*; то, что она приняла, ввела, реально включила въ свой жизненный составъ, то, чему она предоставила осуществиться въ его объективной природѣ—является для нея теперь предметомъ *систематически-интуитивнаго изслѣдованія*. Само собой разумѣется при этомъ, что изслѣдуется не реальное переживаніе, не душевная, субъективная функція, слагающаяся всегда въ форму временнаго процесса, и не качества или свойства субъективныхъ душевныхъ состояній, въ ихъ ассоціативной обстановкѣ, эмоціональной окрашенности и т. д.; но *объективная сверхвременная сущность*, содержательно предстоящая изслѣдующему духу, непосредственно данная ему и *предметно разумлющаяся* имъ, какъ радующее, любимое и *философски познаваемое, безусловное* по значенію и значительности, обстояніе.

Это систематическое интуитивное *вглядываніе* въ предметъ имѣетъ извѣстный, *теоретической совѣстью* опредѣляемый, максимальный уровень ¹⁾, по достиженіи котораго оно уступаетъ мѣсто третьей стадіи: разумно логическому раскрытію усмотрѣннаго содержанія. Душа, переходящая къ этой послѣдней стадіи, должна, конечно, имѣть твердую увѣренность въ объективной чистотѣ и адекватной силѣ выполненной ею работы; она должна использовать сначала *все пути и возможности*, могущіе ей дать гарантію въ этомъ; она должна умѣть творчески сомнѣваться, испытующе вопрошать и безпристрастно провѣрять; она должна создать въ себѣ *твердую и обоснованную увѣренность въ отсутствіи субъективистическихъ искаженій*. И только тогда, когда все это сдѣлано и осуществлено, она должна приступить къ разумному и научному раскрытію того, что она интуитивно увидѣла: къ логическому, ясному и отчетливому, обнаруженію того предметнаго содержанія, которое какъ бы ждетъ своего окончательнаго раскрытія; къ избавленію предмета отъ той видимости неразумнаго плѣненія, въ которой онъ томится. Настоящее, подлинное философствованіе даетъ всегда *научное знаніе*; научное знаніе есть знаніе; знаніе есть мысль; мысль несетъ въ себѣ все, что ею преодолено и объято—въ формѣ разумной. Поэтому философія имѣетъ всегда единое заданіе: раскрыть съ силою адекватности и научной очевид-

¹⁾ Невозможно прослѣдить и аналитически раскрыть процессъ философскаго познанія съ его существенными и второстепенными чертами и особенностями, въ предѣлахъ краткой рѣчи; здѣсь возможно только указать тотъ путь, осуществленіе котораго дастъ каждому знаніе о *природѣ философскаго метода*

ности объективное разумное содержаніе той подлинной природы предмета, въ которую познаніе проникло на пути *систематической интуиціи*.

Въ этомъ внутренно сосредоточенномъ и утопченномъ *духовномъ дѣланіи* философствующая душа, какъ это теперь очевидно, остается дѣйствительно все время отъединенной и одинокой. Она пребываетъ въ непроницаемой для чужого сознанія замкнутости, съ глазу на глазъ съ непосредственно добытымъ, *интуитивно изслѣдуемымъ* и *мысленно раскрываемымъ* содержаніемъ. Никто никого не можетъ впустить въ свою душу; никто не можетъ замѣшить въ этомъ дѣлѣ другого; никто не можетъ снять съ чужой души бремя самостоятельнаго вынашивания и самодѣятельнаго очищенія души, бремя одинокаго, интуитивнаго и разумнаго, философскаго познанаія. Философское познаніе требуетъ высокой, лично выращиваемой и осуществляемой духовной культуры. И въ этомъ дѣлѣ необходима именно та внутренняя самопочинная и неустанная *нравственная активность въ познаніи*, къ которой зывалъ Іоганнъ Готтлибъ Фихте; здѣсь необходима личная непреклонная воля къ *совершенному* и *адекватному* знанію и напряженная чуткость личной теоретической совѣсти. Теоретическая совѣсть поставляетъ передъ познающей душой всегда одно и то же единое требованіе: *„ты можешь и долженъ признать и открыто исповѣдовать, какъ истинное, только то, въ познаніи чего ты, по крайнему, активно провърженному, разумнѣю своему, освободилъ себя отъ всѣхъ субъективистическихъ искаженій, осуществилъ всѣ средства личного очищенія и предметнаго углубленія, извѣстныя человечеству, и достигъ на этомъ пути испытанія личной, по эмпирической формѣ, но сверхличной, по содержанію и значенію, познавательной очевидности“*. Это требованіе теоретической совѣсти поистинѣ неуклонно и неумолчно; и философъ, больше, чѣмъ какой-либо другой ученый, долженъ имѣть его постоянно въ виду, уже по одному тому, что философское познаніе не имѣетъ никакой иной ограды отъ искаженій и никакой иной гарантіи отъ субъективистическаго вырожденія кромѣ единой и единственной: *голоса теоретической совѣсти*. Ибо практическій жизненный вредъ, приносимый ложнымъ философствованіемъ, виденъ воочію только тому, и осязателенъ только для того, кто уже закалилъ свою душу въ требованіяхъ философскаго уровня; и этотъ вредъ не есть вредъ физическаго, или физиологическаго, или только душевнаго характера, какъ въ другихъ областяхъ знанія, но вредъ *духовной* природы; онъ выражается въ томъ коренномъ вырожденіи всего познавательнаго, нравственнаго, эстетическаго и религіознаго уровня жизни, который обладаетъ свойствомъ—въ теченіе долгаго времени быть незамѣтнымъ и вдругъ обнаружиться съ вопіющей очевидностью уже состоявшагося паденія и разложенія философской и духовной атмосферы.

Философствованіе облызываетъ; сознаніе этого должно непрестанно

горѣть въ душахъ тѣхъ, кто говоритъ отъ лица философіи. Оно обязываетъ уже потому, что философія есть *знаніе*; а всякое знаніе даетъ духовныя права и возлагаетъ духовныя обязанности. Знаніе есть *даръ* и богатство, потому что знающій,—именно въ томъ, что онъ знаетъ, и поскольку онъ знаетъ,—знаетъ не только „навѣрное“, но знаетъ вѣрно, *подлинно, объективно*; онъ выбрался изъ колеблющейся трясины мнѣній. У того, кто *знаетъ*, знаніе и вѣра не расходятся и не стоятъ въ противорѣчій: то, что онъ знаетъ,—достоверно той *единой* достоверностью и очевидно той *единой* очевидностью, которая силою объективности своей создаетъ *вѣрующее знаніе и знающую вѣру*. Вѣрить и вѣровать можно лишь въ то, что вѣрно, что въ *самомъ дѣлѣ такъ*; нельзя *вѣрить* во что-нибудь, зная, что *на самомъ дѣлѣ „это—иначе“*: такой человекъ—былъ бы невѣняемъ; но нельзя и *знать* что-нибудь, вѣря, что *на самомъ дѣлѣ „это—иначе“*: такой человекъ былъ бы лишень и вѣры, и знанія. Знать—значить имѣть *объективно-обоснованную увѣренность*; но какъ же можетъ тогда человекъ, *горящій о знаніи*, не *вѣрить* въ знаемое? Вѣрить—значить горѣть признаніемъ *истины*; но какъ же можетъ тогда человекъ, признавшій *истину*, не имѣть объективно-обоснованнаго *знанія*? Знаніе можетъ быть *еще* не раскрытымъ; вѣра можетъ быть *временно* достояніемъ одной только души. Но по существу—они *одно*. Ибо гипотеза и предположеніе—не есть еще знаніе; а воздыханіе и вожделѣніе, нужданіе и ожиданіе, чаяніе и упованіе—совсѣмъ не есть вѣра. Вотъ почему знаніе есть даръ и богатство.

Но философія, какъ знаніе о важнѣйшемъ, о *безусловномъ*, о *духѣ*, есть лучшій даръ и большее богатство. Философія, познавая сущность духа, должна создавать объективно-обоснованную увѣренность, восходя къ той единой достоверности и единой очевидности, безъ которой нельзя *ни знать, ни вѣрить*. Но эта достоверность и очевидность не можетъ и не должна *храниться въ тайнѣ* или открываться только „посвященнымъ“. Предметъ объективенъ и единъ для всѣхъ; онъ долженъ быть доступенъ всѣмъ желающимъ. И то, что знается, и то, во что вѣруется, что утверждается, какъ очевидное и достоверное,—должно быть доступно и раскрыто для всѣхъ спрашивающихъ и желающихъ знанія. Ибо философія есть *наука*; она движется научнымъ путемъ: она фиксируетъ свой предметъ, она воспринимаетъ его очищенной и многократной интуиціей, она описываетъ его содержаніе, анализируетъ и синтезируетъ, указываетъ, и провѣряетъ, и доказываетъ. Въ философіи не должно быть мѣста для произвольныхъ и фантастическихъ изобрѣтеній, для самообмана, мнимыхъ напѣевъ и волшебства. Философія не мистифицируетъ ни себя, ни другихъ; ей должны быть вполне чужды напѣвы и заговоры; она можетъ и должна быть вполне свободна отъ

суевѣрія, когда человекъ достаточно „вѣрить“, чтобы бояться, и недостаточно „вѣрить“, чтобы *не* бояться, „вѣрить“ отъ страха и боится отъ „вѣры“. Философія ищетъ *свѣта* и находитъ свѣтъ, и работаетъ всегда при томъ свѣтѣ, который ей уже данъ или ею уже добытъ. И потому она не только не питаетъ и не создаетъ страха, но стремится не оставить и мѣста для него; ибо страхъ возникаетъ лишь тамъ, гдѣ непонятныя и нераскрытыя силы работаютъ во мракѣ и грозятъ изъ темноты. Философія, какъ и всякое знаніе, начинается съ опыта; *духъ* есть предметъ ея опыта, и нѣтъ у нея основаній къ тому, чтобы трусливо прятать дающееся ей въ опытѣ предметное богатство отъ разумнаго раскрытія, побѣждающаго и потому радостнаго. ¹⁾ И если истинно религіозный человекъ пріемлетъ лишь то и вѣруетъ лишь въ то, что открылось ему съ достовѣрностью и очевидностью въ подлинномъ духовномъ опытѣ, то правы были Фихте и Гегель, говоря, что *философія* по содержанию своему *есть истинная религія*.

Вы видите, какая отвѣтственность встаетъ передъ душой, рѣшающей посвятить себя философіи. И тотъ, кто, философствуя, будетъ имѣть передъ своими очами это высшее назначеніе философіи и неизмѣнное требованіе теоретической совѣсти, тотъ сразу увидитъ и до конца будетъ помнить тѣ опасности и уклоненія, которыя могутъ встрѣтиться на его пути. И я вѣрю, что для большинства продумать эти опасности и увидѣть, куда онѣ ведутъ, значитъ вступить на путь ихъ преодоленія.

Первая опасность въ томъ, что философствованіе можетъ потерять свою единственную, верховную цѣль и превратиться въ *не самозаконное* дѣланіе, т.-е. начать служить постороннимъ и чуждымъ ему цѣлямъ. Я не говорю уже о намѣренныхъ и сознательныхъ искаженіяхъ истины; софистическая апологія сильнаго и властвующаго можетъ осуществляться только тѣмъ, кто никогда не зналъ, что есть истинная философія. Но есть здѣсь и другіе уклоны. Философское знаніе, какъ и всякое истинное научное знаніе, можетъ основываться только на свободной отъ постороннихъ мотивовъ, *самостоятельно добытой и испытанной объективной очевидности*. Это испытаніе очевидности, какъ бы вырастающей изъ глубины самого предмета, не можетъ быть *ничѣмъ* замѣнено или вытѣснено. Правда, авторитетъ есть великая научная и культурная сила; но задача его лишь въ томъ, чтобы *замѣнить очевидность временно*, предварительно, въ видѣ педагогической или пропедевтической опоры, необходимой на первыхъ порахъ и передающей благія традиціи. Задача авторитетнаго руководства состоитъ именно въ томъ, чтобы вос-

¹⁾ Срв. мою статью „Философія Фихте, какъ религія совѣсти“ *Вопросы Философіи и Психологіи*, 1914 г., кн. 122.

питать неопытную душу къ самостоятельному познаванію; чтобы научить ее обрѣтать *предметно обоснованную очевидность*; и, наконецъ, чтобы въ-время увидѣть ея зрѣлость и предоставить ей свободный путь. *Замѣнить* научную очевидность авторитетъ не можетъ, и, какъ только она состоялась, такъ, строго говоря, невозможенъ даже и конфликтъ. Философъ можетъ быть вѣренъ только одному — предметной очевидности; всякій авторитетъ уступить ей *добровольно*, такъ, какъ нѣкогда ему самому уступили авторитеты прошлаго. Повиновеніе *не* предмету, *не* Богу, но человѣкамъ, не можетъ быть добродѣтелью философа: въ этомъ основа философіи, какъ науки — *свобода научнаго изслѣдованія*.

Вторая опасность въ томъ, что суровая, очищающая личную душу, борьба за объективно вѣрную, *адекватную интуицію*, за дѣйствительное интуитивное проникновеніе въ предметъ — можетъ замѣниться или скорымъ и легкимъ находженіемъ субъективныхъ впечатлѣній, или же нагроможденіемъ хаотическихъ созданій личной бессознательной сферы.

Въ первомъ случаѣ происходитъ подмѣна философскаго опыта — субъективными впечатлѣніями, догадками или мнѣніями, и философія вырождается въ праздные разговоры, въ претенціозныя, хотя съ виду ни къ чему не обязывающія сообщенія, не лишеныя, можетъ быть, авто-біографическаго интереса, но свободныя отъ какого бы то ни было философскаго, объективнаго значенія. Именно на этомъ пути философствованіе оказывается во власти людей, не имѣющихъ къ философіи никакого отношенія, и все же слагающихъ болѣе или менѣе легкомысленныя сужденія и мнѣнія по поводу предметовъ и проблемъ.

Тогда исканіе отвязывается отъ предмета и утрачиваетъ всякое отношеніе къ очевидности и достовѣрности, а вокругъ философіи начинается атмосфера вседозволенности; философское общеніе вырождается въ болѣе или менѣе удачную діалектику и утрачиваетъ свое глубокое духовное и нравственное значеніе. На этомъ пути не трудно дойти до принципіальнаго релятивизма, до успокоительнаго ученія о томъ, что „все относительно“. Философія окажется болѣе или менѣе удачно составленнымъ разсказомъ о томъ, „что я за человѣкъ“ и „каковы мои воззрѣнія“, а призывъ къ предметности, научному объективизму и сверхличной очевидности будетъ объясненъ претенціозной самоувѣренностью призывающаго.

Во второмъ случаѣ предметная философская интуиція замѣняется нагроможденіемъ хаотическихъ созданій личной бессознательной сферы, и философствованіе вступаетъ на путь волхвованія. Двигаясь на этомъ пути и въ этихъ предѣлахъ, люди становятся „тайновѣдами“ и раздѣляются на двѣ большія группы: одни технически владѣютъ пріемами своего „тайновѣднія“ и искусно прививаютъ ихъ неприятельнымъ и простодушнымъ ученикамъ; другіе сами оказываются во власти своихъ мни-

мыхъ откровеній и растерянно несутся въ ихъ неуравновѣшенномъ теченіи.

Къ первымъ принадлежатъ столь размножившіеся въ наши дни „теософы“ и „антропософы“, которые любятъ прикрываться словомъ „наука“, а на самомъ дѣлѣ проповѣдуютъ и осуществляютъ нѣкую якобы мистическую душевную практику. Въ этой сумеречной душевной практикѣ, которая представляется имъ если не мудростью, то во всякомъ случаѣ истинною дорогою къ мудрости, меркнетъ чистый свѣтъ философскаго знанія и сознательная, разумная жизнь *духа* растворяется въ культивированіи наиболѣе физическихъ сторонъ и способностей *души*: таково ихъ „ясновидѣніе“, покупаемое цѣною безмыслія и отказа отъ свободной предметной интуиціи. Напрасно говорятъ они о „наукѣ“: ихъ наука не имѣетъ ничего общаго съ той наукой, которая объективно изслѣдуетъ предметъ, открыто утверждаетъ и открыто доказуетъ; ихъ наука есть *магія*, а содержаніе ихъ „ученія“—смутная химера. „Антропософъ“ старается магически овладѣть тайною своей *личной* бессознательной сферы и вступаетъ для этого въ практическое жизненное общеніе со своимъ *собственнымъ* бессознательнымъ. Это общеніе погружаетъ центръ его личной жизни въ непонятную для него глубину родового инстинкта; и совершается это *не* ради знанія: какъ истинный „магъ“, антропософъ ищетъ не знанія, а *господства*, власти надъ непокорной и несчастной стихіей своего существа. Играя и ужасаясь, страдая и наслаждаясь этимъ процессомъ медленной, постепенной утраты своего *личнаго духа* въ предписанныхъ „учителемъ“ „медитаціяхъ“, онъ идетъ ко дну, не выходя изъ себя, ничего не познавая, хотя испытывая новыя ощущенія; и тамъ онъ покупаетъ себѣ, наконецъ, *личное успокоеніе* цѣною отказа отъ *разума* и духовнаго подвига. Трагедія его въ томъ, что, ища овладѣнія и господства, онъ вступаетъ на путь, приводящій его къ успокоеннѣй подчиненности, къ *содержательному* торжеству бессознательной стихіи надъ сознаниемъ; личность сохраняетъ свою видимую форму и внутреннее равновѣсіе, но то, что антропософы называютъ „духовнымъ“ состояніемъ, не имѣетъ никакого отношенія къ сознательной жизни философски творящаго духа.

Таково ихъ „знаніе“ и такова ихъ „мудрость“. Они имѣютъ, впрочемъ, нѣкоторую видимость теоретическаго ученія, которое представляетъ изъ себя несамостоятельное и вполне лишенное интереса эклектическое смѣшеніе. Знаніе, какъ состояніе разумющаго пониманія и увѣренности, основанной на лично испытанной очевидности, вообще не цѣнится и не культивируется ими, а то, что они называютъ „окультурнымъ“, т.-е. сокровеннымъ знаніемъ, не раскрываетъ ничего новаго. Они не знаютъ что научная, предметная интуиція проникла дальше ихъ и глубже ихъ въ жизнь бессознательнаго, проникла знаніемъ не „сокровеннымъ“, а

открывающимъ, и что самая тайна ихъ таинственной практики уже во власти науки. Они „ворожатъ“ всю жизнь вокругъ непонятнаго имъ самимъ центра и не видятъ, что отъ „мудрости“ ихъ умалается свѣтъ на землѣ.

Близко къ нимъ, но слясъ всячески отмежеваться отъ нихъ, стоитъ другая группа враговъ и искажителей истинной философіи. Эти искатели сами оказываются во власти своихъ якобы религиозныхъ откровеній и изнемогая отъ ихъ смутнаго и чаще всего вопльнѣ-личнаго содержанія, они блуждаютъ потому, что не выдерживаютъ бремени личной душевной несчастья, и запутываясь все больше, чувствуютъ себя все болѣе несчастными. Та особенность философской интуиціи, въ силу которой въ осуществленіи ея должны участвовать всѣ силы души, приводитъ къ тому, что вся бессознательная сфера оказывается вовлеченной въ дѣло ислѣдованія въ качествѣ покорной разуму и эксплуатируемой имъ среды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ тайныя влеченія и желанія, не допускаемыя на порогъ дневнаго сознанія и хоронящіяся подобно Нибелунгамъ въ тайникахъ ночнаго сознанія; всѣ особенности личнаго вкуса, эмпирически пріобрѣтенныя и духовно неочищенныя; всѣ тѣ раненія душевной ткани, которыя у каждаго изъ насъ пріобрѣтаются съ дѣтства и живутъ, не исцѣленныя, всю жизнь, разѣдая душу и повергая многихъ въ нейрастенію и всевозможныя болѣзненныя уклоненія—все это при отсутствіи надлежащей катартической работы, при отсутствіи *безжалостности къ своей душевной традиціи* и къ своему эмпирическому самочувствію, вторгается въ философскую работу и дѣлаетъ душу не способной къ объективному научному знанію. Философія становится тогда игроушкомъ скрытыхъ страстей; она получаетъ значеніе болѣе или менѣе удачно найденнаго компромисса между недугующимъ бессознательнымъ и сознательной идеологіей; „философія“ есть у такихъ людей не болѣе, чѣмъ личный *modus vivendi*. Энергія познанія растворяется у нихъ въ субъективную слѣпую убѣжденность, за которую они цѣпляются тѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ труднѣе имъ удастся внутренній компромиссъ и чѣмъ менѣе они вообще способны къ интуитивно-мыслительной жизни. Блужданія этихъ искателей кончаются обычно тѣмъ, что они,—какъ это было, на примѣръ, съ Фридрихомъ Шлегелемъ,—прилѣпляются къ той или иной религиозной догмѣ и осуществляютъ сразу два искаженія: отъ ихъ изліаній и „постропій“ философія вырождается въ дурную религію, а религія, насыщенная смятенной и большой субъективностью, утрачиваетъ свою глубину и значительность, утрачиваетъ свой характеръ объективнаго откровенія и вырождается въ хаотическое нагроможденіе субъективныхъ чаяній и отчаяній, а можетъ быть даже,—какъ это было, на примѣръ, у графа Цинцендорфа,—въ матеріалъ, заслуживающій вниманія психопатолога.

И есть еще третья опасность, о которой нельзя не упомянуть. Это опасность разсудка, отрывающагося отъ живой предметной интуиціи. Недавно, еще лѣтъ десять тому назадъ, могло казаться, что европейская философія вступила на этотъ путь и не въ состояніи свернуть съ него; что мысль, напуганная „крушеніемъ“ великихъ системъ нѣмецкаго идеализма, приучившая себя къ повышенной мнительности и къ оперированію съ чисто гипотетическими допущеніями, только и можетъ анализировать „отвлеченныя“ понятія, не смѣя взглянуть на подлинный предметъ и подойти къ нему на свой рискъ и страхъ. Философія или превращалась въ изученіе чужихъ мыслей, нѣкогда высказанныхъ о предметѣ, или уходила въ разсудочныя различенія, утрачивая познавательное единеніе съ изслѣдуемымъ въ философіи духовнымъ обстояніемъ. Нынѣ философія, повидимому, покидаетъ этотъ путь, о чемъ свидѣтельствуетъ все возрастающее тяготѣніе къ интуитивизму, обнаруживающееся въ самыхъ различныхъ областяхъ изслѣдованія. Этотъ, нынѣ испѣляющійся, отрывъ разсудочной мысли отъ интуиціи ведетъ философію не къ легкомыслію, и не къ волхвованію и не къ субъективистическому вырожденію, но къ смерти въ безводной и безвоздушной пустотѣ. Здѣсь философія сохраняетъ только одну видимость научнаго знанія и гибнетъ на посту съ оружіемъ въ рукахъ. Люди начинаютъ цѣнить выше всего формальную дифференцированность понятій, формальное систематическое единство концепцій, формальныя опредѣленія и проблемы. Утративъ живое отношеніе къ предмету, не сознавая, что при такомъ положеніи дѣла философія неминуемо вырождается въ комбинацію беспочвенныхъ понятій, они естественно остаются безъ всякой предметной опоры и замѣняютъ ее опорой *чужой мысли*. Но чужая мысль, быть можетъ, въ свою очередь ведетъ оторванное, безпредметное существованіе, опираясь на болѣе раннія системы и ученія; и такъ въ философіи возникаетъ наследственная опустошенность. Пишутся книги о книгахъ; чужія воззрѣнія изслѣдуются, какъ нѣкая самостоятельная цѣнность; собирается музей исторически осуществленныхъ мнѣній; культивируется библиографическая эрудиція. Мысль какъ бы высыхаетъ и запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ мертворожденныхъ утонченностей. Воцаряется *разсудочное эгоизмство*.

Таковы основныя опасности философскаго пути. Преодолѣть ихъ возможно только черезъ стойкую вѣрность предметной интуиціи и требованіямъ теоретической совѣсти: философъ долженъ исповѣдовать только то, что онъ съ очевидностью узрѣлъ въ интуитивно и разумно изслѣдованномъ имъ объективномъ обстояніи. И если онъ будетъ вѣрнъ этому требованію, то въ философіи быстро уменьшится число бесплодныхъ споровъ и разногласій и она получитъ возможность превратиться въ единую науку, въ истинное знаніе о сущности *духа* и о его путяхъ.

Когда-то Гегель сокрушался о низкомъ уровнѣ той національной и духовной культуры, которая не создала своего самостоятельнаго метафизическаго чувствованія и пониманія Бога, міра и человѣка. Онъ зналъ, какъ до него развѣ одинъ Аристотель, что метафизическое творчество и созерцаніе составляетъ самую глубокую сущность всей духовной жизни народа; что именно *объективное раскрытіе жизни духа* есть та дѣятельность, то творчество немногихъ, ради котораго въ слѣпотѣ жили, въ слѣпотѣ страдали и умирали столь многіе; что именно *метафизика* есть та вершина разумнаго горѣнія, которая питаетъ, освящаетъ и завершаетъ духовную культуру народа, какъ живого единства, и которая дѣйствительно должна быть *источникомъ подлинной духовной чистоты*.

На всѣхъ насъ лежитъ задача работать душою и духомъ въ этомъ направленіи, и я твердо вѣрю, что на этомъ пути еще состоятся великія философскія свершенія.

Иванъ Ильинъ.